

ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ

Процесс профессионального самоопределения охватывает длительный период жизни человека – от появления зачатков профессиональных интересов и склонностей в детском возрасте до окончательного утверждения в избранной сфере профессиональной деятельности в годы зрелости. На протяжении этого периода происходит не только собственно профессиональное, но и социальное, а вместе с тем и жизненное самоопределение личности.

Очень серьезная жизненная проблема, с которой сталкиваются воспитанники интернатных учреждений и детских домов, – это выбор будущей профессии. Вопрос «Кем я буду?» задает себе почти каждый. В подобной ситуации главное – не растеряться, сориентироваться и сделать правильный выбор, соответствующий интересам, способностям, возможностям, ценностным установкам и, наконец, требованиям, которые предъявляются к выбранной профессии и к личности кандидата. Правильно сделанный подростком выбор – это начало пути к успеху, к самореализации, к психологическому и материальному благополучию в будущем. Профессиональное самоопределение представляет собой сложный, длительный и *динамический процесс* формирования личностью системы своих основополагающих отношений к профессионально-трудовой среде, развития и самореализации духовных и физических возможностей, формирования адекватных им профессиональных планов и намерений, реалистического образа себя как профессионала.

Вопрос профессионального самоопределения начинает осознаваться подростками уже в 13–15 лет, но лишь 10–15% обучающихся имеют твердые профессиональные намерения. Примерно столько же обучающихся вообще не задумываются о своих профессиональных планах. Около 70% воспитанников детских домов *не имеют четкой позиции*, сомневаются в своем выборе; их одолевают противоречивые чувства: «Выбор сделать надо, но не знаю, что мне надо». Это действительно серьезная проблема, которую, так или иначе, необходимо решать. Как правило, на решение подростка влияют именно родители или друзья, которым он доверяет. Находясь в приемной, замещающей семье, подросток имеет больше шансов на конструктивное профессиональное самоопределение, потому что его приемные родители, во-первых, могут оказать ему разностороннюю помощь в выборе профессии, во-вторых, *семья является определенной профессиональной средой*, опыт родителей может стать хорошим примером, образцом для понимания и осмысления путей выбора. Но чтобы оказать поддержку и помощь в профессиональном становлении своего приемного сына или дочери, приемным родителям необходимо учитывать трудности, которые их дети реально испытывают в представлении своего личного и профессионального будущего.

И начинать можно с осознания себя во времени. В «Исповеди» Аврелия Августина (354-430 годы) читаем: «Как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? И если бы настоящее всегда было настоящим и не уходило в прошлое, то уже было бы не время, а вечность, настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?»

«Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее, пожалуй, было бы говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память, настоящее настоящего – это его непосредственное созерцание, настоящее будущего – его ожидание».

Разговор о будущем важен на каждом этапе жизни ребенка, школьника. Но обычно сами родители забывают, что у него есть *свой временной предел* понимания и восприятия. Известно, что маленький ребенок живет настоящим: он любит играть с куклами, машинками. Потом появляются ролевые игры с друзьями, которые уже имеют определенное время. Например, игра в семью. «Давай будем играть в мужа и жену!» – предлагает девочка мальчику лет 3–4. «Давай, – отвечает мальчик. – Где мой обед?!» Затем появляются более серьезные игры, связанные с проектированием кораблей и космических исследований. Как говорится в пословице «Всему свое время». Почему-то никому из родителей не приходит в голову загружать пятилетнего ребенка формулой поваренной соли. *Конкретное знание предполагает конкретное отношение к возрасту человека, его осваивавшему.* А разговоры о высшем образовании в третьем классе начальной школы почему-то родителям не кажутся нелепыми. Но это и есть нелепость, так как разговоры родителей с детьми о необходимости высшего образования обычно сводятся к выбору высшего учебного заведения, т. е. к выбору формы будущего. Однако обсуждать будущее со старшеклассником *имеет смысл только с содержательной стороны*, т. е. разговаривать с подростком о том, какое дело, увлечение его привлекает и насколько долго он может им заниматься. Вот что первостепенно для профессионального самоопределения. Именно содержательная сторона профессионального выбора является строительным материалом для дороги, ведущей в настоящее будущее.

Построение *линии времени* приемного ребенка является важной задачей всего семейного воспитания, родительской заботы и поддержки. И для этого приемным родителям необходимо знать об огромном значении для будущего личного и профессионального самоопределения осознания им своего психологического времени и верить в это.

Как пишет Валерия Сергеевна Мухина, «психологическое время личности – четвертое звено структуры самосознания. Человек в своем самосознании относительно своей персоны мыслит в трех временах: в индивидуальном прошлом, в настоящем и будущем. Вместе с тем он исходит из прошлого, настоящего и будущего его этноса, его государства, и, наконец, он может быть включенным в прошлое, настоящее и будущее человечества. Степень включенности во все временные измерения определяет значения и смыслы, которые личность придает своему существованию на Земле, обязанности, которые она возлагает на себя, а также знаменует уровень развития самой личности.

Соотнесенность себя с миром в прошлом, настоящем и будущем – наиболее перспективная позиция для бытия и развития человека как личности. Именно в этой позиции он находит возможность осознать ценность человеческого бытия во всей перспективе истории, в настоящем и будущем. Временная рефлексия на путь человечества и на свое индивидуальное место в индивидуальной перспективе жизни дает человеку возможность проникнуться пониманием ценности жизни, стремиться к утверждению бытия через моральное отношение и любовь к людям.

Ребенок с помощью взрослого учится «вспоминать» («Когда я был маленьким»), обращаться к своему будущему («Когда я вырасту большим»). Притязая на признание, ребенок с помощью взрослого проектирует себя в будущем как сильную, все умеющую и все могущую личность. Стремление соотнести себя настоящего с собой в прошлом и будущем – важнейшее позитивное образование самосознания развивающейся личности.

Психологическое время личности для взрослого человека является своеобразным прибором, позволяющим мерить свой индивидуальный путь, в том числе и время жизни. Депривация ценностного отношения человека к его прошлому, настоящему, будущему или отсутствие структурированного прошлого в истории развивающегося человека и неопределенность перспективы жизни разрушают *внутренний статус личности*. Построение субъективной картины жизненного пути в самосознании развивающейся личности чрезвычайно важно. В условиях депривации развивающейся личности в

неблагополучной семье или в детском учреждении интернатного типа чаще всего формируется человек без ответственного отношения к собственному времени жизни, без сформированного психологического времени».

В задачу приемных родителей входит принятие на себя роли «могущественных» взрослых людей, *способных вселить веру* приемного ребенка в то, что у него существует его настоящее, психологически осознаваемое им время. Но эта миссия родителей осложняется не только тем, что ребенок из детского дома *«затерялся» во времени* между своими фантазиями и вымыслами, но и тем, что его способность к рефлексии либо не развита, либо недостаточно хорошо развита. В этом разделе на страницах дневника приемной матери рассматриваются *приемы и техники развития рефлексивного мышления*, и, как всегда, разговоры матери с дочерью важны для понимания того, как устроена линия времени и какими способами родители могут помочь ребенку ее сформировать.

Страницы из дневника приемной матери.

В каком времени мы живем

Мы все живем с тем или иным ощущением времени. Даже если мы о нем не думаем напрямую как о времени, мы мысленно постоянно обращаемся к нему. Но это обращение ко времени у каждого свое. Я точно знаю, что есть люди, которые постоянно мыслями заныряют в свое прошлое. Их, как говорится, хлебом не корми, только дай поговорить о том, что с ними произошло в прошлом. Для них важно именно прошлое время. И, как правило, профессии они себе выбирают такие же, т. е. связанные с прошлым временем. Это очень типично для людей, выбравших осознанно профессию бухгалтера, психолога, археолога, врача, историка, писателя, следователя, методиста, адвоката и т. д. Как будто смысл жизни этих людей находится в прожитом и пережитом и они все время вынуждены возвращаться в прошлое, чтобы настоящая жизнь им не казалась бессмысленной и глупой. Сколько популярных профессий требуют от человека умения интересоваться именно прошлым, жить тем, что уже свершилось, и исследовать то, что было давным-давно – вчера или сотни лет назад.

Конечно, есть люди, которые живут в будущем, наслаждаются его проектированием и даже прожектерством. Такие люди обожают не только строить свои планы на будущее, но и узнавать, какие планы строят другие люди, их знакомые, потому что для них самих только это и имеет смысл. Если все удачно складывается в их жизни, то и профессия у них будет про их любимое и незабываемое будущее. Планирование, проектирование, фантазирование, исследование, экспериментирование – это их сферы деятельности. Сценаристы, режиссеры, декораторы, архитекторы, дизайнеры, программисты, столяры, физики, конструкторы, токари, фрезеровщики, писатели-фантасты, химики, модельеры станут настоящими профессионалами своего дела, если они с детства умеют жить в будущем, если смысл их жизни лежит как можно дальше от их настоящей жизни. Для жизни в будущем времени нужны определенные способности. Например, хорошо развитое зрительно-пространственное воображение, умение во внутреннем плане представить и создать образ будущей детали, будущего чертежа, будущего фильма, будущего здания, будущего изделия и т. д. А сколько потом нужно уверенности в себе, чтобы иметь смелость воплотить свой придуманный, разработанный, сконструированный образ в реальность, сделать его не виртуальным, а самым настоящим, что можно подержать в руках, можно увидеть в настоящей жизни, а не в своем собственном воображении! «А как же настоящее время? Оно что, никому не интересно?» – спросите меня Вы. Я думаю, что все в нашем мире создано Божественно и гармонично. И все время – и прошлое, и настоящее, и будущее – проявляется в равных пропорциях. Люди, которые умеют жить настоящим, это потрясающие люди. Они великие педагоги, актеры, теле- и радиоведущие, спортсмены, музыканты, певцы, кинооператоры, художники и многие другие. Конечно, это не значит, что люди, чей смысл жизни

находится не где-нибудь на линии времени, а здесь и сейчас, не думают о своем будущем или не могут вспомнить свое прошлое. Нет. Это значит, что этим людям еще с детства удалось научиться пребывать в настоящем времени тотально – и мозгами, и телом. Они умеют чувствовать настоящий момент и умеют управлять собой в неуловимом потоке времени, который стоит на грани прошлого и будущего, который в любую минуту может унести человека в любом направлении, если только он сам не удерживает нить настоящего, оттачивает его, насыщает его своей жизнью!

Линия времени

Итак, профессиональное будущее каждого человека во многом зависит от того, в каком времени предпочитает жить сам человек. Да и восприятие времени у каждого человека настолько субъективно, что линия времени порой представляет собой то железобетонную конструкцию, то сплошную вязкую субстанцию, по которой двигаться невозможно, но барахтаться приятно. И какой бы путь ни выбрал себе человек, его время всегда вместе с ним. Время нас поддерживает, подгоняет, расслабляет, увлекает, ограничивает, сдерживает, убивает. Даже если мы не понимаем, зачем время с нами это делает, оно все равно неумолимо движется и влечет нас за собой. А уж в нашей власти решить, будем ли мы «плестись в хвосте» своего времени, будем ли мы бежать «вперед паровоза или планеты всей» либо будем идти с ним «нога в ногу» и радоваться своей своевременной и современной жизни.

А теперь давайте все эти рассуждения о восприятии времени отнесем к ребенку из детского дома. Например, что я знаю о линии времени своей дочери? Могу ли я точно и определенно сказать, в каком времени предпочитает жить моя дочурка на этапе своего четырнадцатилетия? Ответ отрицательный. Еще в первой части своего дневника приемной матери меня удивляла откровенность, с которой моя дочь присваивает себе мои собственные детские воспоминания, истории из прошлого моих друзей. Еще меня удивляли жадность, с которой дочь слушала меня, и скорость, с которой она «делала» своим все, что слышала про мое прошлое. А то, что моя дочь рассказывала о себе, походило на самый обыкновенный вымысел, или безобидное вранье, или фантазии маленькой девочки, которой хочется, чтобы ее заметили и как можно чаще хвалили. Я уже писала, что мне лично было не жаль своих воспоминаний.

Игра «Верю – не верю»

Когда я размышляла о том, как устроена линия времени моей дочурки, я памятью обращалась к одной из своих любимых ролей Аль Пачино. Я точно не помню, но, кажется, этот фильм назывался «Боб Фингер». Аль Пачино играет гонщика, который влюбляется в женщину. Он пытается ее понять, но она для него слишком загадочно живет, слишком непонятно изъясняется и слишком язвительно о нем думает. И эта женщина, которая находится на грани жизни и смерти, начинает играть с гонщиком в игру типа «Верю – не верю». Она рассказывает душещипательные истории про себя, которые гонщик воспринимает как истинные, как реально происходившие. Но каждый раз оказывается, что его в очередной раз разыграли. И это приводило его в бешенство, пока он не осознал, какой в этом заложен смысл. Ему удалось ощутить это, потому что весь образ его жизни также был на грани жизни и смерти – в любой предстоящей гонке он мог покалечиться или разбиться насмерть, и именно это обстоятельство их невероятно сблизило и потрясающе развредило. Так как женщина страдала неизлечимой болезнью и близость смерти была не ее волей, а предчувствие смертельного исхода в гонке было именно его выбором. И, несмотря на то, что некоторые выходки любимой женщины оставались для гонщика по-прежнему непонятными и безрассудными, он все же продолжал настаивать на близких отношениях и старался со своей стороны тоже ее удивить. Так, как-то они катались на лодке, и он стал рассказывать ей о том, как в больнице умирала его мама. И

она ему поверила, хотя это была его выдумка. Этот момент в фильме мне больше всего запомнился.

Иногда думаешь, зачем люди про себя и свою жизнь выдумывают невероятные истории, очень проникновенные, очень искренние, очень волнующие и, конечно же, не банальные? И понимаешь, что эти выдумки являются частью самих людей, что они им нужны так же, как воздух, без которого мы бы все умерли от удушья, как вода, без которой мы все превратились бы в обезвоженные и вспухшие массы клеток.

Дублер

Что такое наши воспоминания, к которым у нас нет доступа? Дочь знала, что с ней происходило что-то хорошее и плохое. Но она так постаралась их не помнить, ей было так страшно, что линия времени ее прошлой жизни превратилась в воронки слез и ненависти, в ямы откровений и рыданий. А над разорванной, забытой, поруганной, но реальной линией времени моя дочь успешно построила вторую, вымышленную, дублирующую линию прошлого времени. И мне казалось, что каждая из этих линий знает о существовании другой, как люди достаточно точно знают, было это или этого не было. Я думаю, что у детей из детского дома несколько линий времени – реальная и вымышленная. Но как они сами понимают, это остается тайной, завесу которой необходимо открыть.

Итак, прошлое моей дочери наполнялось, с одной стороны, урывками, крупными мазками того, что она выхватывала из чужих жизней и делала своими. С другой стороны, она бесконечно выдумывала события давней прошлой жизни и сама уже не понимала, были они на самом деле или нет. По крайней мере, вымышленные события не имели никакого соответствия ее реальному возрасту, реальным условиям ее жизни с родной мамой и практически никогда не затрагивали жизнь в детском доме. У меня было такое ощущение, что детский дом она специально выселила на необитаемый остров и накрыла его звуконепроницаемым и прозрачным колпаком, как в сериале «Симпсоны» их родной город Спрингфилд правительство накрыло сферой, чтобы зараза или инфекция не могла распространиться на всю Америку. Это придавало моей дочери уверенность и силу. На третьем году нашей совместной жизни такая стратегия присваивания чужих событий приобрела некую избирательность. Моя дочь включала в свою жизнь теперь не все, что ей нравилось, а только то, что могло ее сделать более значимой и авторитетной в настоящем школьном образе жизни. Почему-то именно школа требовала от нее этих «присвоений», так как дочь была в ней наиболее уязвима.

Печать детского дома

Полным ходом шла подготовка к третьему дню рождения. Моя дочь приближалась к своему четырнадцатилетию. И поскольку ее день рождения предвещали осенние школьные каникулы, я постаралась насытить нашу жизнь интересными поездками. Первым делом я обратилась к нашему другу и помощнику – всезнающему интернету. Оказалось, что в это время в Москве будет проходить фестиваль анимационного кино Японии. Меня привлек фильм под загадочным названием «Ловцы забытых голосов» великого режиссера Макото Синкая. Моя дочь была хорошо знакома с работами Хаяо Миядзаки. Мы довольно часто смотрели вместе и «Ходячий замок», и «Навискаяю», и другие анимационные фильмы. Но с Макото Синкаем мы еще не были знакомы, и мне захотелось раздвинуть наши границы любви к японскому полнометражному и очень серьезно анимационному искусству.

Билетов, конечно, уже не было. Мы поехали на удачу. Я вспомнила свою молодость и с воодушевлением «стрельнула» два билета, спрашивая у прохожих на площади перед кинотеатром «35 миллиметров», нет ли у них лишнего билетика. Сидели мы с дочерью в разных местах, поэтому после фильма всю дорогу мы обсуждали увиденное. Поскольку фильм шел с субтитрами на русском языке и слова мелькали на

экране так быстро, что я понимала и искренне сочувственно переживала за дочь, которая не успевает их читать. Поэтому кое-где восприятие моей дочери давало сбой, но в целом смысл и достаточно сложную и многослойную сюжетную канву дочь уловила правильно. Нам все понравилось – и анимация, и классическая музыка, и японский язык, и сюжет, и смысл. Да! Главным был смысл: «Живые важнее мертвых!» Главной героиней фильма была девочка примерно такого же возраста, как моя дочь. Она настолько хотела помочь своему учителю истории, что была готова принести себя в жертву ради исполнения его мечты. Учитель стал ее спутником по путешествию в нижнем мире. Но ее друг, мальчик из нижнего мира, самоотверженно защитил девочку от попытки учителя использовать тело девочки, обменяв ее душу на душу своей любимой, умершей много лет назад. Сама девочка знала, что ее учитель до сих пор любит образ своей любимой и мечтает вернуть ее в мир живых. Но какой ценой он хочет это сделать, ей было неизвестно. Так вот, учитель упросил божество нижнего мира, чтобы тот отпустил его любимую и позволил душе любимой завладеть телом девочки. Еще минута-другая – и девочка превратится в другую девушку, а сама исчезнет, останется в мире мертвых навсегда. И тогда ее друг, такого же возраста мальчик, сказал учителю, что живые люди важнее давно ушедших и что нельзя свою настоящую жизнь отдавать в плен воспоминаниям о давно ушедших любимых. Это было настолько эмоционально, настолько искренне, по-детски импульсивно, но уверенно сказано, что поступки приобрели невероятную правдивость. И речь уже шла не о мифологическом геройстве как таковом, а о правде жизни, истине, которую дети должны не только знать, понимать, но и впитать, целиком и полностью поступая в согласии с этим законом жизни! «Вот оно, настоящее!!!» – подумала я.

Еще несколько дней подряд мы с дочерью возвращались к «Ловцам забытых голосов», настолько глубоким и проникновенным были смысл и форма предъявления этого смысла. Это так тронуло мою душу, что я решила день рождения своей дочери посвятить созданию мультфильма своими руками. Я предложила дочери собраться в нашем офисе, в котором мы вели любительскую студию мультфильмов из пластилина. Мы обсудили праздничное меню, обсудили, что каждый гость слепит из пластилина своего дракона и что мы вместе придумаем сценарий маленького, полуминутного мультика и снимем его. Дочери моя идея понравилась, и мы стали готовиться ко дню рождения.

И вот мы за праздничным столом, поедаем вкуснотищу, приготовленную нами собственноручно, и предвкушаем пластилиновую лихорадку. Моя дочь выглядит сияющей, волосы блестят, глаза горят, губы расплываются в улыбке... Все хорошо. И на фоне такого благостного настроения моя подруга спрашивает дочь: «А что ты делала на каникулах? Где ты была, куда ездила?» Через секунду вся радость с лица моей дочери улетучилась. Радостное настроение погибло под обломками потерянного во времени и пространстве лица. Моя дочь испуганным голосом «проблеяла»: «Ничего не делала». И на все лицо опустилась печать детского дома. Черты моей дочери стали до неузнаваемого некрасивыми, резко очерченными, дерганными. Испугалась даже я. Мне почудилось, что от этого, в принципе безобидного рефлексивного вопроса, моя дочь залезет под стол и на четвереньках побежит к двери и что на этом она не остановится и дальше в красивом наряде убежит на улицу. Чтобы убежать, скрыться, без ответа, без намека на осознание своего реального прошлого в нашем настоящем. Что ее так напугало? Что могло за эти секунды промчаться в ее голове, какие мысли могли так изуродовать ее лицо? Я никогда не забуду эту печать. Печать нищеты духа. Печать физического изнеможания. Печать внутренней лихорадки страха и трусости. Я взяла, буквально схватила свою дочь за руку и стала ее гладить. После того как она немного успокоилась, я постаралась расшевелить ее память тем, что попросила вспомнить, у кого мы были в гостях, куда мы ездили. Она как будто окаменела и ничего не могла вспомнить здесь и сейчас, за этим праздничным столом. Ни глубина фестиваля анимэ, ни яркий день рождения дочери моей подруги, ни удивительные и так нам понравившиеся спилберговские «Приключения Тин-Тина», –

ничего не оказалось в ее пустующей копилке нашего реального прошлого! Такое явное опустошение было неожиданным для меня и всех друзей, собравшихся за столом. Я вынуждена была переключить внимание на другую приятную ситуацию, и мы как бы все забыли об этом инциденте. Затем мы увлеклись лепкой, подготовкой съемочной площадки, придумыванием сюжета нашего будущего мультфильма, и все встало на свои места. К нам вернулась радость бытия, и очень скоро мы все кружились со своими драконами и даже почувствовали запах новогодней елки и приближающегося Рождества! Мультик получился забавный, и все были довольны.

К пустой копилке прошлого я вернулась лишь дома, когда мы сидели и пили чай, чтобы перебить горечью вкус сладостей. Мы так объелись вкуснятины, что горьковатый на вкус зеленый чай казался вершиной блаженства и отрады. Развалившись на диване, мы мурлыкали в унисон, и я спросила, что такого трудного для моей дочери было в вопросе, что она делала на каникулах. Дочь пожалала плечами и притаила свою голову на моем плече. Возложенная мне на плечи голова повернулась, и выражение лица приобрело виноватый оттенок. «Ты действительно ничего не помнишь или мы действительно на каникулах никуда не ездили?» – настаивала я, почти игнорируя ее маску виноватости. «Я не помню», – сказала дочь. «Что именно ты не помнишь? Ты не помнишь, как мы ездили на фестиваль анимэ?» – уточнила я. «Фестиваль я помню», – восторгалась дочь. «А день рождения Даши ты тоже не помнишь? Как мы везли ей огромный ананас, потому что она любит именно ананасы!» – продолжала я. «Конечно, я помню это!» – кивнула головой дочь. «Доченька, понимаешь, еслиты говоришь, что ты ничего не делала на каникулах и не можешь вспомнить эти события, значит, их и вправду не было для тебя. Т. е. эти поездки были и ты в них принимала участие, но они либо не отложились в твоей памяти, либо ты о них так быстро забываешь, что они стираются автоматически. Как следы на песке. Ты идешь по кромке моря, и очередная волна смывает твои следы... И вот ты уже никогда не была здесь, ты никогда не шла по этой кромке. Морю все равно, была ты здесь минуту назад или нет. Но тебе не должно быть все равно, была ты здесь или нет!!! Ты должна знать, где ты была, что с тобой происходило здесь, шла ты босиком или на тебе были сандалии, ветер ли развивал твои волосы или волосы были собраны в хвост, а с ветром встречалось только твое лицо. И так далее во всех мелочах. Человек может очень точно вспомнить не только то, что было на нем надето, он может вспомнить свое настроение, и он может вернуться в это состояние через какое-то время. Мы помним себя не для того, чтобы просто иметь в сознании эти картинки, а для того, чтобы иметь возможность возвращать себе ощущения радости, уверенности, мира, спокойствия. Наша человеческая жизнь настолько скоротечна, что мы можем продлить свою жизнь за счет воспоминания прошлого. Понимаешь, как важно знать себя? Иначе у тебя не было ни интересных каникул, ни забавного дня рождения, ни нового мультфильма, ни новых приключений. Если ты этого не помнишь, значит, у тебя этого просто не было. И тебя самой там не было. Память – это труд вспомнить себя. Запомни это, пожалуйста!»

Мое гипнотическое внушение, а иначе эту пространную речь и не назовешь, дочь внимательно слушала, приоткрыв рот и уставившись, как и положено внушаемому человеку, в одну точку. Затем она вышла из своего транса и еще раз кивнула головой. На этом ее день рождения завершился.

Прошлое моей дочери я взяла под контроль. Чаша весов как никогда раскачивалась из стороны в сторону. Моя дочь рассказывала невероятные истории о своей жизни в кровной семье, которым я не верила или относилась скептически, но слушала и изумлялась ее связи с нашей жизнью. И в то же время моя дочь по-прежнему не делала никаких усилий для того, чтобы четко обозначить свое «Я» на карте нашей жизни, на карте жизни ее школьного класса, на страницах нотной тетради в музыкальной школе.

Сначала я не могла понять, как мне вести себя во время рассказывания дочерью якобы ее воспоминаний. Например, такой вроде бы безобидный разговор на кухне.

Я мою посуду. Дочь мне читает книжку. Там встречается незнакомое слово «фарфор». Дочь останавливается и спрашивает меня, что это такое. Я показываю ей обычную фаянсовую кружку, из которой дочь пьет чай или молоко.

– *Эта кружка сделана из фаянса.*

Я достаю из навесного шкафчика другую чашечку, естественно, более изящную и красивую.

– *А эта чашечка сделана из фарфора. Она более тонкая и пропускает световые лучи.*

Я поднимаю чашечку и держу ее на весу так, чтобы через нее проходили световые лучи. Чашечка светится на просвет. Затем я беру в руки кружку из фаянса и также держу ее на весу. Она по-прежнему темная, потому что фаянс не пропускает света.

– *Видишь, насколько они различны?*

– *Вот когда я жила у тети Тани, я все время пила чай из фарфоровой чашечки! – заявляет моя дочь.*

– *А сколько тебе было тогда лет?*

– *Не знаю.*

– *А откуда такая уверенность в том, что у тети Тани ты пила чай из фарфоровой чашечки? Ты же только сейчас узнала в принципе, что такое фарфор и фаянс! Или тебе хочется думать, что в детстве ты пила чай из фарфоровой чашечки? Почему это так важно для тебя?*

– *Не знаю.*

И я тоже не знала, почему моя дочь все новое настоящее превращает в свое прошлое. Оказывается, у нее в детстве были такие же сани, как в «Белом клыке», хотя она даже не знала, что такое полозья. И чашечка у нее была фарфоровая. И серебряный крестик она носила в детстве, хотя только сейчас я ей его купила, потому что все другие она легко теряла. Меня поражала иллюзорность ее вымышленного прошлого, и когда таких примеров набралось по самую макушку, я стала вести активно разговоры о том, что прошлое должно быть реальным, а не вымышленным. Конечно, интересно играть в игру, придумывая себе прошлое, хватая буквально на лету все новенькое из своего настоящего. Но это наше настоящее, и я совсем не намерена была отдавать наше настоящее в «лапы ее прошлого». И мне уже было не до шуток. Так как я чувствовала, как наше настоящее улетучивается, испаряется под нажимом ненасытного прошлого. И я пришла к пониманию того, что это самое темное прошлое моей дочери никогда не оставит в покое наше настоящее. Что оно как вечная воронка времени будет вытягивать из нашей настоящей жизни все «вкусненькое» и «сладенькое» на потребу снабжения ресурсами своего вымышленного дублера и что конца и края воронке не будет! И я стала специально предварять все объяснения нового тем, что, конечно же, моя дочь еще об этом не знает, но в прошлой жизни она уже это имела. Я отдавала себе отчет в том, насколько язвительно это звучит в моих устах, но я чувствовала потребность в защите нашего настоящего.

Основания для выбора будущего

Линия времени будущей жизни моей дочери была скрыта густым туманом, сотканным из неясностей и отсутствия предрасположенностей, ярких предпочтений и любимых занятий. Да, моя дочь любила рукоделие. Она с удовольствием занималась бисером, иногда вышивала, плела, вязала. Но результаты были откровенно непригодными: от изделий веяло халтурой и неумелостью. Единственное, что ей удавалось, это сплести приятную «фенечку» на запястье и сделать из бумаги фигурку типа «оригами». На таких слабых результатах выстраивать стратегию профессионального выбора было нелепо. К тому же все рукотворное творчество имело болезненный «мотивчик», т. е. дочь приступала к рукоделию тогда, когда ее физическое самочувствие ухудшалось. Была еще одна страсть – это управлять, руководить, лидировать. Делала она это чисто по-скорпионски: нагло, напористо и садистски, из-за чего наживала себе кучу ссор и

недоброжелателей. У меня возникли мысли, что моей дочери обязательно нужно чем-то управлять, но обязательно чем-то неживым, например, куклами. Так появилась версия в будущем стать кукловодом, артистом театра кукол.

В принципе, еще на самом первом году нашей жизни мы разыгрывали многочисленные сценки со всеми подарочными зверюшками, которые имелись в комнате моей дочери. Она придумывала бесконечные истории о путешествиях за кладом: все игрушки-зверюшки по ее сценарию, как по мановению волшебной палочки, по очереди находили в укромном месте ее комнаты загадочный клад. При этом моя дочь лихо озвучивала всех зверей, глотая окончания слов, смело вела свою сюжетную линию и с удовольствием показывала свои спектакли нашим гостям. Декорации к своим спектаклям придумывали мы вместе и старались создать ощущение настоящего домашнего кукольного театра.

Такая тирания кукол чем-то отдавала Карабасностью-Барабасностью. Но я думала, что пусть уж лучше будут страдать игрушки, чем живые существа типа нашей кошки Тигры, дрессировка которой у моей дочери заканчивалась кровавыми следами от когтей и зубов сами знаете кого. Тирания над Тигрой продолжалась как ни в чем не бывало, лишь только заживали раны прежних дрессировок. Представляете, как моя дочь обрадовалась выходу в свет «Истории игрушек»! Мы смотрели все три части, и моя дочь знала наизусть большинство сцен этого великого «оскароносного» мультипликационного фильма. Так закрепилась в нашей жизни единственная идея, способная простроить линию времени на два года вперед.

Правда, еще была жива тема кинологической работы. Моя дочь обожала всех собак, но дальше их прижимания к себе и целования в нос, общение не углублялось. Никаких задач перед собой моя дочь в отношении собак не ставила. Тема будущей работы кинолога время от времени оживала, например, с появлением в нашей жизни Джека Лондона и его «Белого клыка». Мы читали про белое безмолвие, и перед нашим взором возникали разные видения Севера, которые и мне и моей дочери были хорошо известны из собственного опыта – жизни в Республике Коми. Описания были настолько глубокие, с одной стороны, и непонятные, с другой стороны, что мы читали Джека Лондона не отрываясь по три часа, и я только и делала, что отвечала на вопросы дочери: «А что такое «постромки», а что такое «полозья», а что такое «береста», а что такое «преграда», а что такое «стенания», а что значит «тщетно», а как это «взьерошенная шерсть», а что такое «погребение», а что такое «угрюмая ярость», а что такое «оцепенение», а как это «круг сомкнулся», а что такое «очертания», а что такое «эпитафия», а что такое «полог»». Бесконечные объяснения прерывали напряженность первых глав «Белого клыка». Мы попали в незнакомый, но интуитивно близкий нам мир и не могли с ним расстаться. Мы жались друг к другу, а когда дочь уставала читать, продолжать приходилось мне. И вот тут-то нам уже было действительно страшно, потому что я знала, что Генри спасут, а дочь еще этого не знала и очень переживала за него: ее глаза были полны слез из гремучей смеси ужаса и восторга. И любая моя попытка остановить бег путников и перенести их судьбу на завтра натыкалась на мольбу этого не делать ни за что на свете. Я понимала, что придется дочитывать мне, по крайней мере, до спасения Генри, ибо моя дочь не сможет заснуть и ее будут тревожить ночные волки похлеще самых страшных фильмов о вампирах. Так или иначе, я очень надеялась на Джека Лондона. Я мечтала о том, что его талант изменит отношение моей дочери к живым существам и произойдет внутренняя переоценка ценностей.

Моя дочь уже училась в седьмом классе, а выбор занятий по душе оставался непонятным. Я думаю, что дети, лишённые родительского внимания, брошенные на произвол судьбы, попавшие в детский дом или приют, вряд ли способны самостоятельно выстроить свое будущее. А уж тем более выстроить его конструктивно, содержательно, гармонично. Мне очень интересно, какие существуют представления о личном и профессиональном будущем у детей из детского дома в подростковом возрасте. Есть ли у

них в принципе понимание того, какие их способности могли бы стать незыблемой опорой в выборе профессии.

Я искала ответы в различных источниках, но нашла лишь яркие примеры. На самом деле их очень немного. Например, известный врач Валентин Дикуль, который будучи воспитанником детского дома, увлекся цирковым искусством и постоянно сбегал в цирк к воздушным гимнастам. Вот как вспоминает сам Валентин Дикуль: «Я детдомовец. А детдомовцы всегда развивались быстрее обычных детей, потому что были отпущены на выживание. Из детского дома многие дети выходили отпетыми хулиганами. Меня не пустил по плохой дорожке цирк. Это была мечта, которая помогла мне выжить. Когда я попал в среду артистов, то увидел одну целую семью, увидел, как они друг другу помогают».

Как он дальше пишет, его не сразу приняли в цирковую семью, а это очень правильное понимание того, что происходит с ребенком, который остался без попечения родителей. Для Дикуля увлечение цирком было сродни обретения своей семьи, обретения той атмосферы творчества, поддержки и развития своих способностей, о которой он не мог не мечтать! Его увлечение было настолько серьезным, что в цирке ему поверили и, как я понимаю, приняли в свою семью. Но случилась трагедия – в пятнадцатилетнем возрасте он упал с тринадцатиметровой высоты и повредил позвоночник, что надолго приковало его к постели. Но даже в таком состоянии он работал над собой, совершая запредельные усилия, на уровне личного подвига – настолько яростным и мощным было его стремление встать, поднять себя и продолжить работу в цирке. И он поднялся ценой невероятных усилий и собственными мозгами дошел до своих личных знаний об анатомии, о природе костей, мышц, связок и всего того, о чем нормальные люди даже не задумываются. Валентин Дикуль стал известным врачом, и честь ему и хвала. На его примере можно понять, насколько важна в жизни ребенка из детского дома мечта, как смысл настоящей и будущей жизни, а также насколько важно не предавать свою мечту, а двигаться по линии времени в намерении осуществить свою мечту, реализовать свой талант, развить свои способности. Меня лично очень вдохновляет то, что Дикуль пишет о выборе своей профессии: «Человек должен соответствовать своей профессии. Не важно, кем вы работаете. Вы должны делать это уникально!»

Но я также понимаю, что пример из жизни Валентина Дикуля является скорее исключением из правил, потому что весь мой опыт общения с детьми из детского дома не позволяет мне быть уверенной даже по поводу того, что у воспитанников детских домов есть хоть какое-то конструктивное представление о себе в будущем. И я понимаю, почему это так, а не иначе. Потому что у детей из детского дома нет настоящего настоящего. Это не опечатка, это очень серьезный аргумент: жизнь в детском доме не настоящая. Это понимает каждый. Это понимает не только сам ребенок. Потому что прожить в детском доме до 18 лет – это приговор. Это диагноз беспомощности государства, это приговор равнодушному и жестокому обществу. Это вердикт, который к великому сожалению никем не оглашен и никому не предъявлен! И пока у нас в стране есть детские дома, нельзя считать нашу страну гуманной, успешной, развитой, прогрессивной.

Задание № 8 для родителей.

Тема №8. Процесс профессионального самоопределения приемного ребенка в замещающих (опекунских, приемных, фостеровских или патронатных) семьях.

Напишите, пожалуйста, свои ответы на эти три вопроса:

- 1. В каком времени (прошлом, настоящем или будущем) предпочитает жить Ваш приемный ребенок?*
- 2. Какие основания для профессионального самоопределения вашего приемного ребенка Вам удалось выделить?*

3. Напишите, пожалуйста, с какими трудностями Вам пришлось столкнуться, как приемным родителям, в процессе профессионального становления Вашего приемного ребенка?

**Список рекомендуемой литературы
по теме «Процесс профессионального самоопределения»**

Барабихина В.А., Замалдинова Г.Р. *Современные технологии в социальной работе с семьей.* – СПб, 2006.

Гобова Е.С., Игнатова О.И. *Цель. Дело. Мечта. Психологический портрет поколения.* – М.: ООО «Флагман», 2009.

Павлова Т.Л. *Профориентация старшеклассников. Диагностика и развитие профессиональной зрелости.* – М.: ТЦ «Сфера», 2006.

Пряжников Н.С. *Методы активации духовного потенциала личности.* – МПСИ, МОДЭК, 2008.

Пряжников Н.С. *Профессиональное самоопределение. Теория и практика.* – М.: Академия, 2008.

Пряжников Н.С. *Профессиональное и личностное самоопределение.* – М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
– С. 256.

Чистякова С.Н. *Проблема самоопределения старшеклассников при выборе профиля обучения // Педагогика.* – 2005. – №1. – С. 19–26.